

УДК 398.5

DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-4-715-722

Интерпретация фольклорного сюжета в рассказе С. С. Динисламовой «Якор»

Л. Н. Панченко

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
pan4enko.ludm@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена анализу произведения «Якор» С. С. Динисламовой. Предметом рассмотрения являются особенности сюжетообразования, определение сходства и различия фольклорного персонажа с художественным.

Цель: выявить специфику и особенности фольклорного сюжета и персонажа в авторской интерпретации.

Материалы исследования: основу исследования составляют рассказ С. С. Динисламовой «Якор», фольклорный сборник «Тăгт мăхум мōйтѳт-пōтрыт = Сказания-рассказы людей Сосьвы».

Результаты и научная новизна. В результате сопоставления фольклорного и художественного персонажей, выявлены их сходства и отличия, а также рассмотрена интерпретация фольклорного сюжета «похищение Мѳнквами женщин из рода людей». При исследовании фольклорного мотива раскрыты характерные особенности рассказа «Якор».

Впервые в филологической науке анализируется творчество малоизученного на сегодняшний день мансийского автора Динисламовой Светланы Силиверстовны. Еѳ рассказ «Якор» впервые становится объектом научного осмысления и вводится в контекст финно-угорского литературоведения. Тема любви в произведении писательницы сконцентрирована на взаимоотношениях лесного великана Мѳнква и женщины из рода людей. В основу произведения положена история любви.

Ключевые слова: С. С. Динисламова, творчество, интерпретация, фольклорный сюжет, рассказ, Якор, Мѳнкв, любовь, чувства, фольклорный персонаж

Для цитирования: Панченко Л. Н. Интерпретация фольклорного сюжета в рассказе С. С. Динисламовой «Якор» // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 4 (51). С. 715–722.

Interpretation of the folklore plot in the story by S. S. Dinislamova “Jakor”

L. N. Panchenko

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
pan4enko.ludm@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the analysis of the work “Jakor” by S. S. Dinislamova. The subject of consideration is the peculiarities of plot formation, the definition of similarities and differences of a folklore character with an artistic one.

Objective: to identify the specifics and features of the folklore plot and a character in the author’s interpretation.

Research materials: the story by S. S. Dinislamova “Jakor”, folklore collection “Tăgt Măkhum Mōjtyt-Pōtryt = Tales-stories of the people of Sosva”.

Results and novelty of the research: as the result of the comparison of folklore and artistic characters, their similarities and differences are revealed, as well as the interpretation of the folklore plot “kidnapping of women from the human race by the Mѳnkws” is considered. In the study of the folklore motif, the characteristic features of the story “Jakor” are revealed.

For the first time in philological science, the creativity of the little-studied Mansi author Dinislamova Svetlana Siliverstovna is analyzed. Her story “Jakor” for the first time becomes an object of scientific understanding and is introduced into the context of Finno-Ugric literary studies. The theme of love in the writer’s work is focused on the relationship between the forest giant Mѳnkwa and a woman from the human race. The work is based on a love story.

Key words: S. S. Dinislamova, creativity, interpretation, folklore plot, story, Jakor, Mѳnkwa, love, feelings, folklore character

For citation: Panchenko L. N. Interpretation of the folklore plot in the story by S. S. Dinislamova “Jakor” // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2022; 12 (4/51): 715–722.

Введение

Вопрос о взаимосвязи произведений литературы и фольклора, а также о роли фольклорных традиций в художественном мире писателей представляет значительный научный интерес, становясь одной из наиболее продуктивных проблем исследования в современном литературоведении, так как анализ авторского переосмысления фольклорных мотивов, образов, сюжетов помогает раскрывать существенные аспекты поэтики произведений. Накоплен колоссальный опыт в изучении и научной разработке форм и видов взаимодействия фольклора и литературы, эта проблема освещалась в работах российских и зарубежных исследователей: Ю. М. Лотмана [12], Е. М. Мелетинского [14], Д. Н. Медриша [13], В. Я. Проппа [17], В. П. Аникина [1], N. Hämäläinen, H. Karhu, S. Vuorikuru [26], N. Piégay-Gros [25] и др.

Частично, в мансийском литературоведении вопрос о связи литературы с фольклором рассмотрен в трудах Г. Н. Ионина [9], Д. В. Ларковича [10], В. Д. Лебедева [11], Ю. Г. Хазанкович [19], Е. В. Чепкасова [21] и др. Однако, исследований, посвящённых персонажной структуре мансийского фольклора, до настоящего времени не наблюдалось. Немаловажными для понимания образной структуры художественных текстов стали работы В. А. Поздеева, К. А. Усатова [16] и А. А. Хасавнех [20], а также работы самой писательницы С. С. Динисламовой [3; 4; 5; 6; 7].

Светлана Силиверстовна Динисламова, являясь представителем современной мансийской литературы, пишет на мансийском и русском языках. Многие произведения автора переведены на венгерский язык [22; 23]. О богатстве и своеобразии её творчества писал Csucs Sandor в статье «Szvetlana Gyinyiszlamo Magyarorszagon» [24, 34–35]. Рассказы и стихотворения С. Динисламовой легли в основу школьной программы по мансийской литературе.

Прозаические и поэтические тексты С. Динисламовой пропитаны любовью к родному краю, родной земле, к своему народу. Во многом они являются автобиографичными. Анализ творческого пути С. Динисламовой позволяет сделать вывод, что ранние сочинения писательницы, в особенности лирика 1990-х годов, проникнуты грустью и печалью, а более поздние художественные произведения отличаются позитивным настроением. Рассказы С. Динисламовой отличаются динамизмом, быстротой смены событий. Стоит отметить, что создание рассказов, в которых появляется мистический потусторонний мир, стало новым витком

(или этапом) в творчестве мансийской писательницы. Более того её можно назвать новатором в истории мансийской литературы, она первая из прозаиков стала использовать элементы фантастического в жанре рассказа.

Фантастический элемент в рассказах С. С. Динисламовой отметила и писательница Л. А. Ветрова. В своей статье она пишет, что «Общую палитру литературного таланта писателя дополняет мастерское владение приёмами фантастического жанра» [2, 13].

Материалы и методы

Материалом исследования послужили текст рассказа «Якор» С. С. Динисламовой, опубликованный в антологии «Литературное наследие обских угров. Том I» [8], и сборник сказок «Тәгт мәхум мөйтүт-пөтүт = Сказания-рассказы людей Сосьвы» (составитель В. С. Иванова) [18].

В работе использованы традиционные методы литературоведческого анализа: структурно-семантический, сравнительно-сопоставительный, метод описательной поэтики.

Результаты

Среди множества произведений С. С. Динисламовой есть рассказ «Якор», опубликованный в первом томе антологии «Литературное наследие обских угров» (2016).

В этом рассказе мы видим фольклорный образ Мёңква, осмысленный и преобразованный писательницей. Повествование произведения выстроено от лица рассказчицы, в виде размышлений, перемежающихся с мыслями героев. В основу рассказа положены предостережения народа о взаимодействии человека с потусторонними существами, вылившиеся в сюжет о «похищении Мёңквами женщин», который является популярным в фольклоре манси. С. С. Динисламова детализирует образ Мёңква, наделяет его человеческими качествами и глубокими чувствами. Своей задумкой писательница показала обратную сторону жизни этого персонажа, так как видят её Мёңквы, а не человек.

Антропоморфность объединяет фольклорный и художественный образ, но писательница акцентирует внимание на глубоком чувстве любви Менква к женщине. Она не наделяет его кровожадностью, как это традиционно отражено в мансийском фольклоре. Данный факт нами был отмечен ранее в статье «Лесной великан Мёңкв – персонаж мансийского фольклора»: «В одних источниках его описывают доброжелательным к

людям, в других – кровожадным и слегка глуповатым, в-третьих – он хитёр и беспощаден» [15, 662]. Помимо того, что писательница не наделяет своего героя отрицательными чертами, автор говорит о нём как о великом человеке с большой буквы: «А две тысячи лет назад здесь в этом же направлении шёл Человек <...> имя этого Человека – Якор <...> он из рода Менгквов» [8, 76]. На всём протяжении рассказа, мы видим благоговейное отношение автора к герою, как к первопредку рода, как к высшему существу. Поэтому не случаен и образ медведя в рассказе, что ещё раз подтверждает высокий статус Якора. Автор их уравнивает, наделяя полномочиями хозяина и охранника леса: «... шёл медведь – хозяин этих мест» и «... шёл Человек – тоже хозяин этих мест» [8, 76]. Для писательницы они предстают на одном уровне, способные не только мыслить, творить, но и принимать участие в жизни людей, помогая и оберегая их. В связи с этим становится понятно, почему автор описывает мысли и ощущения медведя так, как будто это говорит человек. С появлением медведя в рассказе возникает актуальный мотив противопоставления прошлого и настоящего. Медведь современных людей, пришедших отдохнуть на природу, не соблюдающих покой и загрязняющих её, отвергает; они шумят и веселятся, даже запах их «отвратительный, отталкивающий, нервирующий»¹. Он сравнивает их с «другими людьми», которые когда-то приплывали на лодке и вели себя бесшумно, молча собирали ягоды и так же тихо покидали это место. Здесь мы видим два поколения людей, два уклада жизни, возможно даже в пределах одного рода. Священный зверь понимает, что произошли колоссальные изменения в их поведении. Они не только сами изменились, но поменялось и их отношение к окружающему миру. И эти изменения не по душе хозяину леса. Раньше люди воспринимали природу как место, дарующее им жизненные силы, уважали и бережно к ней относились. Сейчас же они чувствуют себя единственными хозяевами, которым дозволено делать всё, что вздумается. Такие перемены беспокоят и тревожат хозяина тайги медведя, и это на наш взгляд не случайно, так как автор демонстрирует нам и третье поколение людей, которые изначально жили в данной местности. Поэтому писательница переносит читателя на две тысячи лет назад и на тропинке появляется главный герой рассказа

– Якор. Завидев новых жителей, он задаётся такими же вопросами, которые волновали медведя: «...откуда пришли в его леса люди, так непохожие на людей его рода – рода Мёнквов; ждать ли от них неприятностей, беды; смогут ли они и дальше мирно соседствовать рядом?» [8, 76], ведь только Мёнквы изначально являлись жителями леса и поэтому Якор считает лес «своим» домом, на территорию которого запрещено заходить посторонним. Однако он не чувствует от пришлого населения угрозы, поскольку «чужаки» кажутся ему маленькими, слабыми и беспомощными. Мёнкв сочувствует людям, которым очень тяжело удаётся охота на зверя, но в то же время его удивляет тот факт, что они могут быстро и легко передвигаться по глубокому снегу, что не подвластно людям из рода Мёнквов. Эти размышления героя наталкивают нас на понимание того, что автор показывает здесь истинный вид Мёнквов, их размер, рост, вес. Эту характеристику отмечают и фольклорные тексты. Например, в сказках герой получает в подарок от лесного великана (или его жены) отрез от рукава платья, из которого обшивают всех членов семьи, когда идёт Мёнкв, ломаются деревья и т. д. Кроме того, для фольклорного Мёнква человек не представляет угрозы, для них люди были сродни чему-то незначительному, которое мешается под ногами, называя их «*юнтур яныт хум*» ‘ростом с иголку’ [18, 11], «*ёхтум элмхолас – порыс*» ‘пришедший мужчина – мусор’ [18, 13].

В рассказе перед Мёнквом и медведем ставится вопрос об их выживаемости в этом мире, таким образом, подчёркивается сближение образов. Они веками жили в лесной глуши, были полновластными хозяевами, а сейчас их покой нарушен. В рассказе об этом говорится так: «Медведь знал, что люди приедут ненадолго: вдоль и поперёк истопчут болота, затем на берегу озера разведут костёр, будет много шума: смеха, хохота, криков. На закате дня все уедут. Наступит обычная тишина, но останется запах – запах человека. Он будет долго витать в воздухе – отвратительный, отталкивающий, нервирующий. Медведь не выносил этого запаха, предчувствуя его, фыркая и мотая мордой, он, раздражённый, уходил в таёжную глубь...» [8, 76]. Появление человека в пространстве лесных жителей вызывает у последних дискомфорт и это является общей особенностью образов художественных и фольклорных.

¹ По мнению коренного населения, новое поколение более раскрепощённое, шумное, с резкими и быстрыми движениями, люди с другими ценностями. Поэтому и их запах кажется отталкивающим, чужеродным. Согласно представлениям манси, молодёжь, покидая родную землю, теряет даже запах своей родины. Поэтому по приезду домой старшие говорят им, что они «русь сирыл пасункве патсыг ‘русским духом стал пахнуть’».

Такая близость героев рассказа С. С. Динисламовой противоречит фольклорной традиции манси. В народных сказках медведь и Мё҅кв не имеют взаимодействий, они противопоставлены друг другу. Так, лесные люди боятся берлоги, это вызвано тем, что медведь в мировоззрении этноса занимает важное место, он – сын Нуми Торума, а Мё҅кв боится всего, что связано с творцом. Поэтому даже берлога опасна для жизни лесных людей. В фольклорном сюжете о похищении женщины Мё҅квом, девушка сбегает от нежеланного жениха и прячется в берлоге, в это время лесные люди не могут приблизиться к жилищу сакрального животного. Благодаря своей смекалке девушка возвращается в своё селение и избегает брака с великаном.

Следующей особенностью, на которую стоит обратить внимание, является имя главного героя. С. С. Динисламова индивидуализировала великана, наделив его именем, это отличает художественный образ от фольклорного. Имя Якор, по нашему мнению, также выбрано не случайно. Оно преобразовано с русского языка «якорь», который символизирует надежду на светлое будущее, на благополучное сосуществование в мире. Оно дарует надежду на то, что герой не просто проживёт свою жизнь, а «зацепится», оставит след и воспоминание о себе потомкам. По утверждению автора, имя символизирует скорее силу, выносливость, крепость и железную волю лесного мужчины, благодаря которым он сумел сохранить любовь к человеческой женщине и преодолеть все препятствия². Наделив именем лесного великана, писательница воплощает в герое человеческие черты: мысли, мечты, чувства, но исключает из его характеристики речь. В рассказе со своей Возлюбленной Якор общается телепатически, тогда как фольклорный персонаж разговаривает не только с человеком, но и с другими представителями окружающего мира.

Следующий момент, который роднит художественный образ с фольклорным – это встречи, которые происходят на тропинке, символизирующей границу между мирами. События, описанные в рассказе, протекают именно возле неё или на ней. Всех героев объединяет мотив дороги. Лесная гривка не только проводит границу, она становится символом связи поколений, и автор постоянно возвращает читателя на исходную точку по ходу развития сюжета: «я шла по лесной гривке», «пройтись по её единственной тропке – узенькой

темной полоске среди возвышающегося белоснежного ягеля», «а за час-полтора здесь в этом же направлении шёл медведь», «Якор не спеша шёл по гривке», «Якор столкнулся с чужаком на тропе у Большого озера», «поставив чужака на тропу, Якор растворился в лесной чаще», «люди, испуганно озираясь, торопливо бежали по тропе Менгквов». Тропинка здесь символизирует не только жизненный путь, место, где проявляется судьба, удача человека при его встречах с людьми, животными и потусторонними существами, но и своеобразная граница между «своим» и «чужим» пространством и временным измерением, так как действие одновременно разворачивается и в далёком прошлом, и в настоящем. Характерной особенностью тропинки является то, что она узкая, едва заметная, затем перерастает в широкую грядку. Подобная трансформация говорит об изменениях состояния героя и рассказчицы. Тропинка здесь выступает в роли символа, она ассоциируется с жизнью главного героя, так в начале текста великан был одиноким, а расширение тропы символизирует реализацию мечты мужчины и преумножение его рода с любимой женщиной из человеческой расы. Тропинка одновременно связывает людей одной семьи, рассказчицу, которая пребывает в настоящем времени, и её предка, который был представителем древнего рода Мё҅квов. Анафористический повтор «Я шла по лесной гривке», встречается в тексте 4 раза. Эта предложение словно возвращает читателя и рассказчицу в настоящее время. Последний повтор отличается от предыдущих расширением значения: «Я иду по лесной гривке и думаю о Ягоре – человеке из рода Менгквов» [8, 77]. Считаем это предложение знаковым, оно подчёркивает значимость полученной информации для рассказчицы.

Динамика событий раскрывает образ великана. В начале перед нами предстают тихие просторы, проплывают облака, светит солнце, растут ягоды; картина вдруг меняется – появляется медведь, его сменяют «суетливые», «торопливые и поспешные» люди, их шум «обычно был слышен далеко отсюда». Затем автор снова создаёт спокойную обстановку, здесь герой обретает «внутренний покой», его «взгляд устремлён в небо, синь небес и золотое сияние Солнца наполняли душу спокойствием и смирением», встреча Ягора с охотником проходит также в тихой и спокойной обстановке. По ходу повествования картина вновь меняется сценой захвата, боя и бегства людей. Закачивается

² Личная переписка с Динисламовой С. С. от 09.11.2022 г.

рассказ тихим повествованием о жизни людей в селении, наблюдением Якора за их размеренной жизнью и долгожданной встречей с Возлюбленной. Через создание подобной дихотомии пространства писательница передаёт трансформацию чувств героя.

Ещё один компонент сближает художественный текст С. С. Динисламовой с фольклорным сюжетом сказки – это место встречи героев, которая происходит на границе с рекой. Помимо тропинки, на которой происходят события, река символизирует также грань между мирами. На этой территории встречаются Мёнкв и девушка из поселения людей: «женщина плыла на маленькой лодочке <...> плыла в его сторону <...> женщина сошла на берег <...>» [8, 77].

Отличительной чертой выступает и время их контакта, время взаимодействия. Если в сказочных текстах время проявления Мёнквов и людей всегда пограничное, тёмное время суток, то в рассказе это утро и день, что опять наводит на мысль о светлой стороне Якора.

Мансийская писательница не просто романтизирует образ лесного великана, его стремление к социализации она объясняет переживаниями по отношению к любимой, которую он встретил среди человеческой расы. Любовь к представительнице другого мира заставляет героя сомневаться в ответных чувствах, в способности возлюбленной преодолеть страхи и представления, сформированные не одним поколением: «Менгкв часто подходил к речке, издали наблюдал за ней, отводил взгляд, если она, чувствуя его присутствие, начинала вдруг беспокойно оглядываться по сторонам. Он любил её, его желанием было взять её на руки и унести в свой дом в тени многовековых елей. Чувства Якора были глубокими и совершенными, непреходящими и вечными, на всю жизнь. Однако при всем своём могуществе Менгкв сомневался – полюбит ли она его. Эти мысли не давали покоя. И вот сегодня он решил испытать судьбу – его намерением было показаться на глаза женщине» [8, 77].

Создавая художественный образ в рассказе, С. С. Динисламова не исключает и те черты Мёнква, которые присущи фольклорному персонажу, а именно: ясновидение: «Я знаю, что две тысячи лет назад Якор видел меня, для него это было обычным явлением – картинкой из будущего» [8, 77], умение становиться невидимым, общение между представителями его рода с помощью свиста: «И тут раздался леденящий душу свист Менгква <...> А вдали слышался уже другой

свист, затем ещё и ещё – так Якора поддерживали сородичи, соблюдая законы неприкосновенности территории» [8, 77]; обладание телепатией: «силой мысли стал раскачивать многовековую сосну, со стоном, треском и грохотом она рухнула на тропу, содрогнулась земля» [8, 77]. Усиливая этнографизм текста, писательница включает в повествование поверье народа о Мёнкве, говорящее о том, что контакты с этим персонажем не проходят бесследно для человека, оставляют его с помутневшим разумом: «Встреча была неожиданной для обоих и непростительной для Человека из рода Менгквов. И хотя встреча была почти мгновенной, но чужаку она представляла большую опасность – в таком беспомощном состоянии он мог остаться надолго» [8, 76]. Эти примеры ещё раз подчёркивают недопустимость отношений с потусторонними существами, наличие определённых правил взаимодействия Мёнквов и людей, выводят некую границу, за нарушение которой следует наказание. Этот свод правил отражён и в фольклорных текстах. Великаны не могли появляться на глаза обычным людям, у них была своя территория проживания, в глухой чаще леса. Люди очень боялись встреч с Мёнквами и не заходили в места их обитания, только в исключительных случаях они решились нарушить данную негласную установку, при этом они, возможно, на интуитивном уровне чувствовали, что помощь придёт именно от лесных людей. В свою очередь Мёнквы также не могли заходить в селения людей. Между великанами и людьми существует особая магическая связь – человек чувствует Мёнква рядом и наоборот. По поверьям, если встреча великана и человека всё же произошла, то смотреть на Мёнква категорически запрещалось. В противном случае человек терял рассудок и становился безвольным существом на долгое время. Все эти запреты Якор неосознанно нарушил, он проявил сострадание к оцепеневшему человеку и привёл его в чувство: «Якору стало жаль его, стало жаль собаку. Он подошёл к оцепеневшему человеку, приподнял его за плечи и крепко встряхнул: онемевшее тело чуть обмякло, в остекленевшем взгляде появилось осмысленность» [8, 76].

В этом рассказе мы также видим глубину чувств Мёнква по отношению к женщине, он сознательно идёт в противовес всем запретам и устоям, сложившиеся в его обществе. Если при встрече с обычным человеком он непреднамеренно нарушал законы, то с любимой женщиной он действует целенаправленно, стремится быть ближе к ней, наблюдать за ней, помогать ей. Он

оказывает помощь убежавшим от преследователей, только после того как увидел среди них Возлюбленную, а до этого он был просто сторонним наблюдателем: «Среди убежавших людей Якор увидел ТУ женщину, ради которой уже не раз подходил к селению. Он решил спасти беглецов...» [8, 77]. Образ героя, как доброго и проникательного великана, раскрывается через его чувство к женщине из селения. Якор знал, что, не смотря на его «могущество», он может быть неприятен ей. Он очень долго наблюдал за селянкой, чувство любви по отношению к ней крепло и нарастало. «Чувства Якора были глубокими и совершенными, непреходящими и вечными, на всю жизнь» [8, 77]. Он не знает, полюбит ли его эта женщина, и решается нарушить запрет и встретиться с нею. Интересен тот факт, что инициатором в отношениях становится сама женщина, в то время пока Мёнкв ещё сомневался в правильности решения показаться на глаза Возлюбленной. Выйдя на берег, почувствовав его, она произносит: «Ты здесь, покажись мне!» [8, 77]. Она не испытывала страха перед ним, ею двигал интерес, стремление познакомиться поближе со своим защитником. Так, «она, вначале с осторожностью, затем с нежностью взглянула на него и тихо произнесла: “Ты нас спас, я знаю...”» [8, 77]. Чувство благодарности женщины в дальнейшем переросло в глубокое чувство любви к Якору, явилось залогом их счастливого будущего: «Сейчас я знаю, что с ТОЙ женщиной – моей прапрапра... прабабушкой они прожили долгую и счастливую жизнь. Правда, жизнь долгой была для женщины, ведь она прожила рядом с любимым целый век и родила ему много сыновей и дочерей» [8, 77]. Увеличение продолжительности жизни избранных, наделение их сверхъестественными способностями – это тот набор признаков, который присущ фольклорному персонажу [15, 663]. В этом рассказе автор также использовал их, создавая образ главного героя.

Возвращаясь к композиции рассказа, стоит отметить, что повествование произведения, начинаясь с наших дней, постоянно варьируется во временном континууме с настоящего в прошлое. Автор использует принцип ретроспекции, который выделяется с помощью синтаксического повтора: «я шла по лесной гривке», «и вот я иду по лесной гривке», «я иду по лесной гривке», «я иду по лесной гривке и думаю».

Композиция рассказа является кольцевой. Возвращая читателя в наши дни, автор создаёт эпизод в котором рассказчица видит образ Якора, идущего навстречу ей. Считаём этот эпизод символич-

ным, так как, рассказчица отождествляет себя с Возлюбленной Якора. Кроме того, она постоянно подчёркивает это единство, слитность: «я шла» и «он шёл», «не спеша пройтись» и «Якор не спеша шёл», «Якор думал...» и «Я думаю ...», «Якор видел меня» и «И я увидела его». Согласно замыслу автора, в основе произведения отражены глубокие чувства Мёнква к женщине, однако писательница делает акцент на том, что подобные чувства были и у других представителей его рода: «<...> он прожил с любимой почти целый век, а мог бы жить целое тысячелетие – срок, предначертанный Менгквям свыше. Она ушла, а он не мог без неё жить, и вскоре умер от тоски и одиночества. Многие Менгквы так ушли от жизни ...» [8, 77]. По мнению автора, такая легенда существовала у многих семей манси.

Обсуждение и заключение

В рассказе «Якор» раскрыт образ одного из основных мансийских фольклорных персонажей, обитающих в лесу – лесного великана. Поскольку он встречается во многих фольклорных текстах, важным является интерпретация этого образа в художественной литературе.

С. С. Динисламова по-новому представила самый популярный фольклорный сюжет «похищение женщин Мёнквами», объяснив данный мотив глубоким чувством любви Якора к маленькой женщине из рода людей. Здесь отражено добровольное согласие девушки связать свою жизнь с мужчиной другого мира, а не принудительное, как это отражено в фольклорных текстах.

Художественный образ Якора, созданный С. С. Динисламовой, гармонично соединил фольклорные и литературные элементы.

Подводя итоги нашего исследования следует отметить, что в представлениях манси о Мёнке изначально доминировал образ строгого, но справедливого и далеко не кровожадного лесного хозяина, основная функция которого – это стремление к сохранению порядка двух миров: своего и чужого, безопасное проникновение в пространство Мёнка возможно только при соблюдении определённых правил. В рассказе, созданном С. С. Динисламовой, на первый план выходят качества, присущие человеку. Авторская интерпретация сюжета о похищении женщин Мёнквами С. С. Динисламовой получила новое толкование: этот мотив обусловлен глубоким чувством любви Мёнка к женщине. Кроме того, писательница лаконично соединила фольклорные элементы с идейно-художественным замыслом. В итоге

из-под пера автора вышло великолепное по силе художественного мастерства произведение с творчески переработанным известным сюжетом, удач-

но сочетающее в себе устные традиции мансийского народа.

Список источников и литературы

1. Аникин В. П. Русская народная сказка. М.: Худ. лит., 1984. 176 с.
2. Ветрова Л. Мы есть... // Динисламова Светлана Силиверстовна: библиографический указатель научных трудов и публикаций / сост. Е. П. Степанова. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2020. С. 11–17.
3. Динисламова С. С. История мансийской литературы. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. 61 с.
4. Динисламова С. С. Жанровая специфика рассказа Ювана Шесталова «Потёпка» // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 223–230.
5. Динисламова С. С. Интерпретация мифологических сюжетов в произведениях Ювана Шесталова // Финно-угорский мир. 2018. № 4. С. 12–20.
6. Динисламова С. С. Культурное пограничье в творчестве современных мансийских авторов Е. Анямова и Т. Бахтияровой // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 2. С. 260–268.
7. Динисламова С. С. Мифологические образы в творчестве Ювана Шесталова // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. № 1. С. 43–52.
8. Динисламова С. Якор // Литературное наследие обских угров. В 2-х т. / сост. Е. В. Косинцева, С. С. Динисламова, Л. Н. Панченко, Л. А. Андреева. Ижевск: Принт-2, 2016. Т. 1: Мансийская литература. С. 76–77.
9. Ионин Г. Н. Миф и новый замысел Ю. Шесталова // Литература народов Севера. Сб. науч. ст. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. С. 20–24.
10. Ларкович Д. В. Мотив полёта в лирике Ю. Шесталова // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 3. С. 453–460.
11. Лебедев В. Д. Манси: Очерки истории литературы. Тобольск: Изд-во Тобол. пед. ин-та. 1995. 159 с.
12. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
13. Медриш Д. Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 1980. 299 с.
14. Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. М.: Изд-во РГГУ, 2001. 168 с.
15. Панченко Л. Н. Лесной великан Мёнкв – персонаж мансийского фольклора // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 4. С. 658–671.
16. Поздеев В. А., Усатов К. А. Фольклоризм творчества И. И. Башмакова (Ивана Ваненко): интерпретация сказочных сюжетов // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 3. С. 73–83.
17. Пропп В. Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969. 168 с.
18. Тагт ма́хум мойтыт-пётрыт. Сказания-рассказы людей Сосьвы / сост. В. С. Иванова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 126 с.
19. Хазанкович Ю. Г. Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 131 с.
20. Хасавнех А. А. Вариант романтического эпоса о Лейле и Меджнуне: авторская интерпретация фольклорного сюжета // Эпосоведение. 2021. №2 С. 87–97.
21. Чепкасов Е. В. Художественное осмысление шаманства в произведениях Ю. Н. Шесталова 1955–1988 гг.: дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2005. 238 с.
22. Gyiniszlamos S. Vizscep: versek. Szeged: Juhasz Gyula Felsőoktatási Kiadó Publ., 2008. 111 p.
23. Sooveugri rahvaste kaunid luuletused. Veszprem: OOK-Press Kft Publ., 2015. 108 p.
24. Csucs Sandor. Szvetlana Gyinyiszlamos Magyarorszagon // Finnugor Vilag. 2009. T. XIV. № 2. Pp. 34–35.
25. Piégay-Gros, N. Gros Introduction a l'Intertextualit. URL: https://www.researchgate.net/publication/278779810_Introduction_a_l'Intertextualit (дата обращения: 21.11.2021).
26. Satuperinteestä nykyrunoon: suullisen perinteen ja kirjallisuuden yhteyksiä / Hämäläinen N., Karhu H., Vuorikuru S. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura Publ., 2019. 326 p.

References

1. Anikin V. P. *Russkaya narodnaya skazka* [Russian folk tale]. Moscow: Khud. liter. Publ., 1984. 176 p. (In Russian)
2. Vetrova L. *My yest'...* [We are ...]. *Dinislamova Svetlana Siliverstovna: bibliograficheskiy ukazatel' nauchnykh trudov i publikatsiy* [Dinislamova Svetlana Siliverstovna: bibliographic index of scientific works and publications]. Comp. by Ye. P. Stepanova. Khanty-Mansiysk: Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk Publ., 2020. pp. 11–17. (In Russian)
3. Dinislamova S. S. *Istoriya mansiyskoy literatury* [History of Mansi literature]. Khanty-Mansiysk: IITS YUGU Publ., 2010. 61 p. (In Russian)
4. Dinislamova S. S. *Zhanrovaya spetsifika rasskaza Yuvana Shestalova "Potyopka"* [Genre specifics of Yuvan Shestalov's story "Potyopka"]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (2), pp. 223–230. (In Russian)
5. Dinislamova S. S. *Interpretatsiya mifologicheskikh syuzhetov v proizvedeniyakh Yuvana Shestalova* [Interpretation of mythological plots in the works of Yuvan Shestalov]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric World], 2018, no. 4, pp. 12–20. (In Russian)

6. Dinislamova S. S. *Kul'turnoe pogranič'e v tvorchestve sovremennykh mansijskikh avtorov E. Anyamova i T. Bahtiyarovoj* [Cultural frontier in the creative works of modern Mansi authors Ye. Anyamov and T. Bakhtiyarova]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (2), pp. 260–268. (In Russian)
7. Dinislamova S. S. *Mifologičeskiye obrazy v tvorchestve Yuvana Shestalova* [Mythological images in the works of Yuvan Shestalov]. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2017, no. 11 (1), pp. 43–52. (In Russian)
8. Dinislamova S. S. *Yakor* [Jakor]. *Literaturnoye naslediyе obskikh ugrov. V 2-kh t.* [Literary heritage of the Ob Ugrians. In 2 vol.]. Comp. by Ye. V. Kosintseva, S. S. Dinislamova, L. N. Panchenko, L. A. Andreyeva. Izhevsk: Print-2 Publ., 2016. (T. 1: *Mansiyskaya literatura* [Vol. 1: Mansi literature]). 564 p. (In Mansi, Russian)
9. Ionin G. N. *Mif i novyy zamysel Yu. Shestalova* [Myth and the new idea of Yu. Shestalov]. *Literatura narodov Severa. Sb. nauch. st.* [Literature of the peoples of the North. Collection of scientific articles]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena Publ., 2003. pp. 20–24. (In Russian)
10. Larkovich D. V. *Motiv polyota v lirike Yu. Shestalova* [Motif of flight in the lyrics of Yu. Shestalov]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (3), pp. 453–460. (In Russian)
11. Lebedev V. D. *Mansi: Očerki istorii literatury* [Mansi people: Essays on the history of literature]. Tobolsk: Izd-vo Tobol. ped. in-ta Publ., 1995. 159 p. (In Russian)
12. Lotman Yu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [Structure of a literary text]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1970. 384 p. (In Russian)
13. Medrish D. N. *Literatura i fol'klornaya traditsiya. Voprosy poetiki* [Literature and folklore tradition. Issues of poetics]. Saratov: izd-vo Sarat. un-ta Publ., 1980. 299 p. (In Russian)
14. Meletinskiy Ye. M. *Ot mifa k literature* [From the myth to literature]. Moscow: Izd-vo RGGU Publ., 2001. 168 p. (In Russian)
15. Panchenko L. N. *Lesnoy velikan Mēņkv – personazh mansiyskogo fol'klora* [Forest giant Mēņkv – the character of Mansi folklore]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2018, no. 8 (4), pp. 658–671. (In Russian)
16. Pozdeev V. A., Usatov K. A. *Fol'klorizm tvorchestva I. I. Bashmakova (Ivana Vanenko): interpretatsiya skazochnykh syuzhetov* [Folklorism of the work of I. I. Bashmakov (Ivan Vanenko): interpretation of fairy plots]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture], 2020, no. 21 (3), pp. 73–83. (In Russian)
17. Propp V. Ya. *Morfologiya skazki* [Morphology of a fairy tale]. Moscow: Nauka Publ., 1969. 168 p. (In Russian)
18. *Tāgt māhum mōjyt – potryt. Skazaniya-rasskazy lyudej Sos'vy* [Tales-stories of the people of the Sosva River]. Comp. by V. S. Ivanova. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2004. 126 p. (In Mansi, Russian)
19. Khazankovich Yu. G. *Fol'klorno-epicheskiye traditsii v proze malochislennykh narodov Severa* [Folklore and epic traditions in the prose of the small peoples of the North]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN Publ., 2009. 131 p. (In Russian)
20. Khasavnekh A. A. *Variant romanticheskogo eposa o Leyle i Medzhnune: avtorskaya interpretatsiya fol'klornogo syuzheta* [Variant of the romantic epos about Layla and Majnun: the author's interpretation of the folklore plot]. *Eposovedeniye* [Epos Studies], 2021, no. 2 (22), pp. 87–97. (In Russian)
21. Chepkasov Ye. V. *Khudozhestvennoye osmysleniye shamanstva v proizvedeniyakh Yu. N. Shestalova 1955–1988 gg.* [Artistic interpretation of shamanism in the works of Yu. N. Shestalov of 1955–1988]. Saint-Petersburg, 2005. 238 p. (In Russian)
22. Gyiniszlamova S. *Vizscsepp: versek.* Szeged: Juhasz Gyula Felsooktatasi Kiado, 2008. 111 p. (In Hungarian)
23. *Sooveugri rahvaste kaunid luuletused.* Veszprem: OOK-Press Kft, 2015. p. 108. (In Estonian)
24. Csucs Sandor. Szvetlana Gyinyiszlamova Magyarorszagon. *Finnugor Vilag*, 2009, no. XIV (2), pp. 34–35. (In Hungarian)
25. Piégay-Gros N. *Introduction a l'Intertextualit.* Available at: https://www.researchgate.net/publication/278779810_Introduction_a_l'Intertextualit (accessed November 21, 2021). (In French)
26. *Satuperinteestä nykyrunoon: suullisen perinteen ja kirjallisuuden yhteyksiä.* N. Hämäläinen, H. Karhu, S. Vuorikuru. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2019. 326 p. (In Finnish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Панченко Людмила Николаевна, научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14 А).

pan4enko.ludm@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3316-2914

ABOUT THE AUTHOR

Panchenko Lyudmila Nikolaevna, Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A).

pan4enko.ludm@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3316-2914